

— Смотри, эффенди, — вдругъ произнесъ Юза, приподнимаясь и указывая на падающую звѣзду, — то долготерпѣливый Аллахъ послалъ огненную стрѣлу, чтобы поразить африта, совершившаго много горя людямъ и пророку. Да сокрушить Господь врага вѣры, — прибавилъ онъ, провожая глазами блестящій метеоръ, оставившій длинную серебристую ленту на своемъ пути.

— Оборони меня Господи отъ злого духа! Злой афритъ въ эту ночь имѣетъ большую силу, эффенди, — пояснилъ мнѣ дальше мой проводникъ. — Сегодня ночь афритовъ, въ которую джинны (тоже злые духи) пустыни собираются вмѣстѣ, чтобы играть человѣческими головами; ихъ приносятъ съ собою нечестивцы (да проклянетъ ихъ Аллахъ на вѣки!) Эль-дабахъ (гѣны) и эль-тибъ (шакалы) сбѣгаются сотнями на эту игру афритовъ и воютъ вокругъ ихъ собранія, и когда вой тотъ дойдетъ до ушей Аллаха, онъ посылаетъ свое огненное копье или стрѣлу, чтобы разогнать отверженныхъ. Посмотри, эффенди, — продолжалъ далѣе Юза, — кругомъ спятъ и горы, и песокъ; какъ тихо все вокругъ, но не спятъ африты. У ручья, который создалъ пророкъ для утоленія жаждающаго путника и верблюда, живутъ джинъ и афритъ. Въ эту ночь они бродятъ по пустынѣ и носятся въ видѣ пара надъ сыпучими песками. Въ каждой горѣ, каждомъ ручьѣ, каждомъ деревѣ, живетъ свой джинъ или афритъ, который выходитъ по ночамъ и пугаетъ путниковъ. Храни меня отъ него Господь! Прислушайся чуткимъ ухомъ, эффенди!

Невольно я прислушивался къ безмолвію пустыни при этихъ словахъ Юзы, но ничего не было слышно, кромѣ развѣ легкаго лепетанія катившагося по песку ручейка. Мой проводникъ замолчалъ и прислушивался тоже, какъ будто онъ ожидалъ чего-то. Нѣсколько минутъ продолжалось это молчаніе.

Немного мы прождали... и дождались. Глухой, отрывочный, словно замогильный звукъ, несшійся какъ будто изъ группы скалъ, замыкающихъ выходъ изъ нашей уади, прервалъ ночное безмолвіе пустыни.

— Слышишь, эффенди, какъ стонетъ вдали худхудъ (таинственная птица арабскихъ сказаній); онъ сзываетъ афритовъ на ночное пиршество, — вдругъ произнесъ Юза трепетавшимъ отъ страха и волненія голосомъ.

Я прислушался еще внимательнѣе къ этому таинственному крику и взглянулъ невольно и на Юзу, и на Абдъ-Аллу, и на другихъ арабовъ. Мой проводникъ, обыкновенно смѣлый, на этотъ разъ слегка вздрогнулъ; при слабомъ отблескѣ костровъ казалось, что бронзовое лицо его стало блѣднѣе. Букчѣвъ былъ